

«АГРЕССИЯ ИСТИНЫ»: ПРОЯВЛЕНИЕ «ДУХА ВОЙНЫ» В ФИЛОСОФСКИХ ДИСКУССИЯХ

Василий Ванчугов

Четыре философа. Питер Пауль Рубенс, 1611 г.

Полемика — органическая часть творческой жизни любого философа, в том числе и условие его «карьерного роста». Согласно первому в истории России университетскому Уставу (1804 г.) для обретения «высших достоинств» (степени магистра и доктора) претенденту предстояло пройти пять этапов, и один из них — диспут. Уставы затем менялись, но оставалось неизменным одно — необходимость письменно и устно подтвердить свою квалификацию, публично отстаивать собственное понимание истины. В 1866 г. А.В. Никитенко зафиксировал в своем дневнике диспут по философии, отметив, что соискатель М.И. Владиславлев «защищался хорошо», а вот спустя пять лет, когда диссертацию на степень доктора защищал Скворцов (оппонировал ему и уже ставший профессором Владиславлев), Скворцов «защищался довольно вяло и вообще для доктора не слишком удовлетворительно». Вспоминая свою публичную защиту магистерской диссертации «Розмини и его теория знания» (1914 г.), В.Ф. Эрн сообщал жене: «Лопатин в течение двух часов нападал на меня, но корректно, с большим уважением ко мне, и я на каждое возражение легко и без всякого труда отвечал... Диспут

длился 4 часа, и я, конечно, безумно устал от стояния и говорения».

Сам Эрн, отстаивая свой «логичизм» то с российскими апологетами *ratio*, то вскрывая архитектонику европейского духа, дал нам примеры воинственной полемики: «Кантизм есть сущность германизма, а если контизм считать за сущность галликанизма, то в победе Германии над Францией можно видеть победу Иммануила Канта над Огюстом Контом, или критицизма над позитивизмом. Победить же Германию значит победить Канта... И Эрн «победил», показав, как немецкая мысль шла в направлении «от Канта к Крупшу», от философии, с ее силлогизмами, к штыкам и пушкам. Не только Эрн, но и подавляющее большинство российских мыслителей в разное время в своем полемическом задоре демонстрировали все оттенки немецкого Auseinandersetzung (изложение; разъяснение; критический разбор, рассмотрение; спор; дискуссия; столкновение; стычка; противоборство; борьба; разбирательство), но доминировало все же греческое значение: *polemikos* — воинственный. В многочисленных спорах основные усилия направлялись не на поиск истины, а на утверждение своей точки зрения по обсуждаемому вопросу, потому как

истина, согласно их убеждению, уже найдена. Заметно также в истории русской мысли доминирование полемики над дискуссией, целью которой является, прежде всего, поиск общего согласия, всего того, что объединяет разные точки зрения, приводит к консенсусу. Полемист же весь эмоциональный и интеллектуальный напор направляет на утверждение своей позиции — какой же может быть консенсус, если высказывания оппонента для него — нонсенс! Иногда полемика приобретала характер откровенных издевательств. Так, например, философ П.Д. Юркевич подвергся резким нападкам со стороны Н.Г. Чернышевского за разбор его «Антропологического принципа в философии». Не читая статьи Юркевича, Чернышевский прошелся по оппоненту в своих «Полемических красотах» (1861 г.).

Полемика, как словесный поединок ради победы во что бы то ни стало, приводила к заимствованию военной терминологии, которая была особенно востребованной и в периоды политического напряжения. Первая мировая война, затем война гражданская, обострение социальной борьбы только усиливали противостояние, подпитывая дух воинственности в политических кругах, науке, искусстве, философии. «Materialismus militans» («Воинствующий материализм» — заглавие серии статей Г.В. Плеханова, 1908), было взято на вооружение В.И. Лениным, оставившим единомышленникам характерное творческое завещание — статью «О значении воинствующего материализма» (1922 г.). Прилагательное «воинствующий» стало не просто эпитетом, а получило в СССР статус философской категории, вдохновившей на идейную борьбу тысячи дипломированных марксистов, нацеленных на умерщвление, всеми доступными способами, буржуазной мысли.

Слово «воинствующий» встречается в российской философской среде и как эпитет, и как проклятие. Многочисленные примеры можно найти в работах отечественных историков философской мысли советского периода. Если мыслитель оказывался на «нашей» стороне, то

его «воинственность» была положительной, служила делу прогресса и освобождения человечества, и отрицательной, если он оказывался по ту сторону идеологических баррикад. Например, Чернышевский, «воинствующий философ-материалист, великий социалист-утопист и замечательный литературный критик», а Добролюбов — «воинствующий атеист». Среди хороших «воинов» замечен, например, и Ван Чун, философ при династии Хань. А вот от работ Гуссерля советскому читателю следует держаться как можно дальше, потому что он «немецкий реакционный философ-идеалист, воинствующий апологет империализма... Гуссерль — открытый враг разума, науки и прогресса. Философия и «чистая» логика Гуссерля — типичный продукт разложения реакционной идеологии империалистической буржуазии, а в Западной Германии «гитлеровец Хейдеггер соединяет гуссерлианство с мистикой Кьеркегора».

Словечко «воинствующий» встречалось уже и в эпоху Серебряного века. Так С. Л. Франк в «Этике нигилизма» (1909 г.) определяет «классического русского интеллигента как воинствующего монаха нигилистической религии земного благополучия». В речи, сказанной С.Н. Булгаковым на защите докторской диссертации «Философия хозяйства» (1912 г.), прозвучал и такой термин, как «воинствующий экономизм», далее отметил он также схожие милитаристские модальности и в спекулятивной сфере: «Субъективный идеализм превращается в абсолютный, гносеология в неприкрытую, воинствующую метафизику»; а в работе «Свет невечерний» (1917 г.) теорию Шлейермарха, «выражаясь современным философским языком», он обозначил как «воинствующий психологизм». Однако наиболее часто слово «воинствующий» стало применяться в философской полемике советского периода.

Один из последователей века «серебряного», оказавшись в окружении представителей века «железного», не только почувствовал на себе всю силу их воинственности, но и получил в ходе полемики соответствующий духу времени эпитет-проклятие. В мае 1930 г. в Ком-

мунистической академии выступил с докладом «Против воинствующего мистицизма А.Ф. Лосева» товарищ Х. Гарбер. Прочтя «Очерки античного символизма и мифологии», он увидел в авторе «злостное поведение против всякого ума» и все грехи подряд: беспринципность, мистическую экзальтацию, реакционность, мистику, бредни, легкомыслие, невежественность, злобную критику, реставрацию средневековья, близость к фашистской эмиграции, обскурантизм, мракобесие, реабилитацию алхимии, астрологии, магии и т.д. и т.п. Однако деятельность Лосева «не остановит всепобеждающей поступи социализма», ведь Гарбер знает, что «буржуазия скоро покинет историческую арену», «близится момент всемирной экспроприации экспроприаторов», и вместе с буржуазией погибнет и Лосев, ибо он выражает «умонастроение самых реакционных слоев буржуазного общества» и его устами глаголют «господствующие классы бывлой России».

Потребность «заострять революционное оружие», высказанная в 1922 г. одним из ставших «под зна-

менем марксизма», с годами только возрастала. Среди основных факторов — обострение социальной борьбы, угроза мирового империализма. «Эта борьба в области идеологии, — предупреждал в 1937 г. А.А. Максимов, — сказывается в усилении агрессии со стороны церкви и идеалистических философских течений, в волне мистики и мракобесия, в травле материалистов и в походе на материализм». В области естествознания, продолжает Максимов, влияние буржуазной и реакционной идеологии сказывается в том, что из новейших открытий в науке «философскими школками» делаются «идеалистические» выводы, которые подхватываются «поповщиной» и используются «для похода против Советов». Однако и в самом СССР, как показала дискуссия, было полно несознательных элементов. В 1936 г. выяснилось, например, что «идеалистические воззрения» ученого Лузина оказались в тесной связи с его «двурушнической линией по вопросам преподавания математики в СССР и с его уклоном в сторону союза с фашиствующими математиками типа Бибербаха». Хотя гражданская война давно закончилась, но Максимов и его единомышленники продолжают делить мыслителей на «красных» и «белых» — так Миткевич поставил вопрос о «цвете» политического «меридиана» у физиков, придерживающихся идеалистических воззрений.

Слово «фронт» иногда слетало с уст докладчиков на одном из религиозно-философских собраний в 1905 г., изредка вплеталось в название работ российских философов и ранее (например, «На два фронта» Базарова, 1910 г.), но все же оно было экзотическим для лексикона круга мыслителей эпохи Серебряного века. Все изменилось после Гражданской войны и в преддверии новой мировой. Характерный пример — название сборника статей: «За поворот на философском фронте»: «Беспощадным резцом марксистского анализа Сталин вскрыл в 1930 году буржуазно-меньшевистскую природу попыток ревизии марксистской философии... В лице своих руководителей и «идеологов» (Карева, Стэна) и подавляющего большинства своих приверженцев меньшевистствующий идеализм

«Воинствующий материализм» — сборник статей Г.В. Плеханова. Обложка английского издания (Plekhanov, G. V. Materialismus militans: reply to Mr. Bogdanov. 1st ed., 1973 — Moscow: Progress Publishers, Translated by: Richard Dixon 128 p.)

А. Белый и С. Соловьев. 1904 г.

оказался прямой агентурой троцкизма и зиновьевщины на философском фронте, идеологическим прикрытием антипартийной и антисоветской деятельности троцкистско-зиновьевской банды».

Постепенно линия фронта удлинялась и углублялась, проходя по проблемным полям гуманитарных и естественных наук. Метафора «фронта» не обошла стороной даже Андрея Белого, который в своих мемуарах (1933 г.) при расстановке фигур в период «между двух революций» «правым крылом философского фронта» определил Трубецкого, Лопатина и Хвостова. Сказывается дух времени и на стиле историка идеализма в России П.Н. Сакулина, у которого можно найти выражение «единый методологический фронт». А в 1938 г. в ходе «бухаринско-троц-

кистского» процесса государственный обвинитель и прокурор Союза ССР Вышинский огласил, что «схваченный за руку, пойманный с поличным Бухарин призывает в свидетели самого Гегеля, бросается в дебри лингвистики, филологии и риторики, бормочет какие-то ученые слова, лишь бы как-нибудь замести следы» и что философия, «за дымовой завесой которой пытался здесь укрыться Бухарин, — это лишь маска для прикрытия шпионажа, измены. Литературно-философские упражнения Бухарина — это ширма, за которой Бухарин пытается укрыться от своего окончательного разоблачения. Философия и шпионаж, философия и вредительство, философия и диверсии, философия и убийства — как гений и злодейство — две вещи не совместные! Я не знаю других примеров, —

это первый в истории пример того, как шпион и убийца орудует философией, как толченым стеклом, чтобы запорошить своей жертве глаза перед тем, как размозжить ей голову разбойничьим кистенем!»

Философские статьи, монографии, словари задолго до Великой Отечественной войны напоминали карманную книжку красноармейца: фронт, фланг, тыл, оборона, наступление. Но и после окончания войны милитаристская лексика только усилилась, поскольку, согласно доктрине партии, империализм усилил противодействие распространению социализма по поверхности земного шара не только с помощью военной, но и идеологической агрессии. Не потерявший бдительности в период холодной войны М.А. Дынник разоблачил в 1951 г., что «рекламируемый буржуазией Америки и Европы прагматист Джемс был дипломированным наемником американских империалистов». Начеку спустя годы и А.С. Богомолов, заметивший в 1971 г., что «почти каждый из буржуазных философов в последние десятилетия отдавал или отдает дань антикоммунизму — то ли в форме отдельных выпадов, не связанных органически с самой философией, то ли в форме пропаганды «американского образа жизни», то ли, как Сидней Хук, сознательно фальсифицируя марксизм. Но и единый антикоммунистический фронт — несбыточная мечта воинствующих антикоммунистов»; им «не удалось создать единый философский фронт, обращенный против диалектического и исторического материализма»; «миролюбивая внешняя политика Советского Союза ломает лед «холодной войны» и антикоммунистических предрассудков». А вот как представало в философской полемике «оружие» врага в изложении Д.Ю. Квитко (1936 г.): «Для борьбы с материализмом и теорией эволюции пришлось оживить высохший труп абсолютного духа», ну а если верить Дыннику, то «псевдонаучные писания американских буржуазных «философов» пропитаны ядом звериной ненависти ко всему передовому». Но советский человек мог работать спокойно — на философской границе стояла надежная охрана, подобная платонов-

ским стражникам, которых мыслитель в своем «Государстве» уподоблял собакам: добры к своим и свирепы к чужакам.

Но чем прохладнее стволы орудий в «холодной войне», тем горячее перо в руках полемистов. В ход шли любые метафоры, а потому неудивительно появление в 1950 г. книги А.Ф. Ярыгина «Джон Дьюи — философствующий лакей Уолл-Стрита». П.С. Трофимов, воспроизведя слова партийного деятеля В.М. Молотова — «Мы живем в такой век, когда все дороги ведут к коммунизму», — от себя добавил: «Этого прогрессивного движения истории не остановит империалистам и их философствующим лакеям». А вот что в том же 1951 г. пишет получивший «индальгенцию» от Политбюро Дынник: «...с самых первых своих шагов прагматизм является не чем иным, как идеологией империалистической экспансии США, а прагматисты — лакеями Уолл-стрита»... Эпитет «лакей» так и лип к перу советских философов, особенно ловких на создание эпитафий памятникам мертвых и живых буржуазных мыслителей.

«Маркс и Энгельс наметили и сказали всё, что нужно сказать, — наставлял Ленин Валентинова. — Если марксизм нуждается в развитии, то только в направлении, указанном его основоположниками. Ничто в марксизме не подлежит ревизии. На ревизию один ответ: в морду!» Этот ленинский завет — «в морду» — исполнялся большинством советских философов. Не буквально, конечно, а образно, отчего поведение их не переставало быть непристойным. Речи и тексты советских философов поражают своей образностью, поскольку их цель — поразить идеологического противника, опорочить его в глазах читателя, поразить воображение слушателя. Вот в лекционном зале в Москве в 1947 г. Быховским заявляется о «маразме современной буржуазной философии». А потому неудивительно, что, согласно Быховскому, один из представителей деградирующей философии — Айер — «в отчаянии хватается за последнее средство — с помощью семантической магии он заклинает проблему истины»; что «семантические недоумки перестарались»; что «кривлянье семанти-

«Преемники Ленина» (слева на право): Иосиф Сталин, Алексей Рыков, Лев Каменев и Григорий Зиновьев на прогулке. Июнь 1925 г.

ческих мракобесов — это и есть шабаш ведьм, справляемый в той тьме, какую представляет собою духовная жизнь современной буржуазии».

Однако несмотря на «марзамитичность» духа Запад все еще активен и опасен, а потому его философы в массе своей — «оруженосцы реакции» (итальянский мыслитель Джентиле даже в 1987 г. предстает у нас «теоретическим оруженосцем дуче»), работы которых, «не имея ничего общего с наукой, представляют собой идеологическое оружие империалистической агрессии, обоснование и проповедь фашизации капиталистических стран». На борьбу с очередной опасностью — «семантическим идеализмом» — бросаются все философские специалисты. Простейший способ в такой полемике — подобрать выражения, которые были бы дефинициями, сопредельными с ругательствами: «семантический идеализм — философия империалистической реакции»; «среди философствующих гангстеров, одурманивающих народные массы всякого рода идеологическими наркотиками, одно из первых мест занимают так называемые «семантики»; «идеолог атомного разбоя Бертран Рассел»; «настойной книжкой растлителей человеческой морали стало сочинение од-

ного из главарей «школки». В общем, на «семантический идеализм» советские философы ответили систематическим издевательством. При критике любого направления «буржуазной мысли» ими допускалось обильное цитирование работы оппонента, но это была одна из софистических уловок, когда, неторопливо ошпыливая сову Минервы, они пытались выдать ее затем за петуха.

Хотя полемика и направлена по преимуществу на утверждение своей позиции, нужно все же и сегодня держать в уме, что главным в споре является достижение истины. Победа ошибочной точки зрения, добытая благодаря собственным уловкам или временной слабости другой стороны, как правило, недолговечна. Но очень часто у нас даже философская полемика была частью пропагандистской кампании, так что там, где когда-то горел «факел истины», теперь только кучки остывшего пепла... Словно для напоминания тем философам, кто сегодня склонен не к поиску истины, а ее пропаганде в контексте интересов партии, православия, прогресса и прочего, подменяя трудную интеллектуальную работу эффективной полемикой.

á